

Четвертая группа композитов объединяет композиты на основании наличия свойств: творимость, новум, изолированное понимание, но они не обладают общепри-

нятостью, нормативностью, частотностью употребления. Эти композиты требуют описательного перевода или перевода окказиональным переводческим соответствием.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. – М., 2004.
2. Бредихин, С. Н. Перевод как вторичное или собственно авторское смыслопорождение // Алломорфные и изоморфные признаки языковых систем в аспекте перевода: межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь, 2007.
3. Бредихин, С. Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Монография – Ставрополь, 2014.
4. Вашунин, В. С. Особенности семантической структуры немецких композитов // Научн.тр: МГИ-ИЯ им. М. Тореца. – 1975. – Вып. 1.
5. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre // Grundlagen der Germanistik. – Bln.: Erich Schmidt, 1975.
6. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam/Philadelphia, 2010.
7. Stanley, J. Context and Logical Form / J. Stanley // Linguistics and Philosophy. – № 23. – 2000.

УДК 82.01

Ю. Н. Золотых

ПО ПУТИ НАИБОЛЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XXI ВЕКА

В статье речь идет о жанрах современной религиозно-нормативной поэтики. Современное литературоведение исключает из объекта своего исследования обширный пласт текстов, безусловно требующий научной рефлексии.

Ключевые слова: святоотеческая литература, художественность, эстетика словесного творчества, поэтика.

J. N. Zolotych

ALONG THE WAY OF THE GREATEST RESISTANCE: PATRISTIC LITERATURE IN THE CONTEXT OF LITERARY STUDIES OF THE XXI CENTURY

Modern literature studies exclude from its research field vast stratum of texts which certainly requires scientific reflection. The article deals with genres of contemporary religious normative poetics.

Традиционно наука рассматривает явления художественной литературы (эпохой становления которой принято считать XVII век), фольклора и древнерусской литературы. Однако если феномены художественной литературы и фольклора изучаются на всем протяжении истории литературы, то тексты,

Key words: patristic literature, art, verbal creativity aesthetics, poetics.

принадлежащие религиозно-нормативному дискурсу, принято ограничивать понятием «древнерусская литература».

Возникает вопрос: почему применительно к одним и тем же феноменам мы используем столь разные подходы? Почему жанры слова, беседы, поучения рассматриваются

медиевистикой на вполне законных литературоведческих основаниях, а те же жанры, функционирующие в XVII, XVIII, XIX вв. и наконец в XX в., исключаются нами их ряда художественных произведений и, соответственно, из сферы нашего исследования?

В давно ставшем классическим исследовании «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачев писал: «Отдельные струи древней литературы (житийный жанр, летописание и пр.) продолжают свое течение, но уходят с «дневной поверхности» литературы, хиреют, другие, как церковная проповедь, перестраиваются на католический манер, но тоже уходят с «дневной поверхности» [5].

Отметим, что традиция древнерусской литературы, несмотря на свой переход на «ночную поверхность», не потеряла своего духовного и художественного потенциала. Уступив главенствующее место литературе светской, она продолжала свое естественное развитие.

Здесь можно было бы привести два довода против включения данного пласта феноменов художественной словесности в круг литературоведческий рефлексий. Первый из них – из сферы рецептивной поэтики: религиозная литература не популярна среди читательской аудитории, ее функционирование ограничено церковной сферой. Из этого тезиса следует, что древнерусскую литературу мы изучаем не потому, что, например, она включается в сферу собственно эстетического, а только благодаря ее популярности во время создания данных памятников и отсутствия альтернатив изучения.

Из этого же следует, что великое наследие И. Кронштадтского, И. Брянчанинова, П. Флоренского, А. Сурожского, творивших в XIX–XX вв., никак не повлияло на развитие русской культуры в целом и русской литературы в частности. Но подобное заключение, как и первое, алогично в своем основании.

Да и само литературоведение не делает основным критерием отбора объектов исследования их популярность/непопулярность среди читающей публики.

Второй довод – жанры проповеди, слова, беседы, поучения не являются литера-

турой в полном смысле этого слова, так как художественность предполагает авторский вымысел. Отсюда – Средневековая «эпоха не знала литературы в нашем смысле слова, и правильно будет говорить не о «древнерусской литературе», а только о «древнерусской словесности» [4].

Довод этот вполне закономерен, однако обратимся к понятию «тип художественного сознания», впервые обоснованному в советском литературоведении (до этого – Веселовским) в работе «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания»: «1) архаический или мифопоэтический, 2) традиционалистский или нормативный, 3) индивидуально-творческий или исторический (т. е. опирающийся на принцип историзма)» [1, с. 5]. Так, нормативный тип также включается авторами в круг художественного сознания. Более того, в процитированном нами коллективном труде хоть и утверждается исторический принцип при рассмотрении данных типов, но отвергается их замкнутость в себе и завершенность.

Итак, является ли современная свято-отеческая литература литературой и, если является, то в чем заключается ее художественность?

Как известно, литература (лат. *lit (t) eratura* – написанное) – это словесное искусство. В энциклопедии «Литература и язык» (Под редакцией П. А. Николаева, М. В. Строганова) указано: «Литературный текст обладает, как правило, хотя бы одним из следующих признаков: вымышленность событий и существ, о которых рассказывается; формальная «непохожесть» текста на разговорную речь или деловой документ (напр., то, что текст разбит не только на фразы, но и на стихотворные строчки, может вдобавок обладать ритмом и т. д.); подчеркнутое внимание к словесной организации текста, к его композиции, т. е. отношение к слову как к объекту художественной обработки; особый способ организации смысла» [4].

Безусловно, жанры проповеди, беседы, слова, поучения априори отвергают вымышленность в своей структуре, но они

органично включают в себя иные критерии художественности: архитектура текста, актуализация его словесной организации и композиции, внимание к слову как эстетическому объекту.

Эстетическое здесь обладает своей спецификой, вызванной особым типом сознания – воцерковленным типом художественного сознания [3], когда читатель испытывает, прежде всего, духовное наслаждение, радость от приобщения к истине.

Слово приобретает сакральное значение, а красота воспринимается через призму религиозно-духовного идеала. Художественное в подобных текстах второстепенно и утилитарно (не зря в научной рефлексии мы встречаем такие определения, как «учительная литература» [2]), но отвергать художественность святоотеческой литературы мы не можем. Как утверждал Д. С. Лихачев, это «искусство обряда, а не игры» [5].

Таким образом, мы обладаем аргументами, опровергающими и второй довод «против» изучения святоотеческого наследия XIX–XX веков в рамках литературоведения. Однако в чем социальная и собственно научная необходимость исследования данных текстов?

На наш взгляд, возникновение произведений христианского реализма (И. Шмелев, Б. Зайцев, В. Никифоров-Волгин и др.) в начале 20 века во многом было обусловлено популяризацией текстов И. Кронштадского, И. Брянчанинова и иных произведений святоотеческой литературы.

Стоит ли говорить о том, что XX век дал нам колоссальное наследие слов, поучений, наставлений, бесед, обращенных Святыми Отцами к нам как к своим современникам? И это наследие сыграло значительную роль в духовных поисках 60–70-х годов, повлияло на развитие литературного процесса конца XX – начала XXI веков.

Тексты митрополита Антония Сурожского были востребованы творческой интеллигенцией так же, как и литературные тексты запрещенной зарубежной классики, как самиздатовские издания. Томик сочинений Антония Сурожского в руках

в то время – особый знак интеллектуальной избранности.

Вспомним феномен С. С. Аверинцева. Филолог, энциклопедист, занимающийся, казалось бы, узко научным направлением исследования, читал лекции по ранневизантийской литературе, собиравшие множество слушателей. Люди, не подготовленные к научному дискурсу, почитали за честь послушать Аверинцева, ходили на подобные выступления, как на концерты классики. Записи с выступлениями С. Аверинцева тиражировались и распространялись среди «избранных». Безусловно, талант С. Аверинцева – главный фактор такой его популярности, однако, можно говорить и о том особом «духовном голоде», который был присущ 60–70 годам прошлого века.

А между тем надежды на духовное возрождение в демократическом обществе не оправдались. Возвращенное литературное и философское наследие оказалось потерянным в информационном потоке, не различающем низкого и высокого, примитивного и возвышенного.

Состояние «духовного голода» все ярче заявляет о себе и сегодня. Все больше художественное освоение действительности в русской словесности связывается с православной аксиологией. Самым ярким в этом смысле феноменом является тот самый христианский реализм, переживающий сегодня свое второе рождение.

Отметим, однако, что сверхзадачи свои современный христианский реализм решает нелинейно, разорвано. Подчас так называемая «православная художественная литература» противоречит самой идее христианства, тому, что С. Аверинцев называл «Светом Христовым». Приведем в пример романы «О ком поет коноплянка» В. Лихачева и «Мечеть Парижской богородицы» Е. Чудиновой, где довольно свободно трактуются целомудренность и борьба добра со злом. Тексты лишь продуцируют цитаты и образы из Библии, однако сами они далеки от православного мировоззрения, выступая в этом случае как бы чучелом, муляжом, подменяющим самоценное православное знание – мудрость.

Подчас тексты на религиозные темы имеют ярко выраженный авантюрный характер, применяя те формы массовой эстетики, которые востребованы сегодня (Ю. Вознесенская, «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами»). Такие опыты напоминают, скорее, попытки перевода с одного языка культуры (нормативно-религиозного) на другой (массовый). Однако и «переводческие» эксперименты не могут исчерпывающе ответить на главный запрос современного читателя, так и не преодолевшего состояния «духовного голода».

Как же воспроизводить современной литературе то, что десятилетиями изживалось? Рациональное, общественное разделено с духовно-религиозным опытом такой же завесой, что и в СССР. Только теперь эта завеса выткана из множества рейтингов и мнений в соц. сетях. Популяризация духовного наследия святоотеческой литературы XX века в этом смысле просто необходима, в том числе и силами науки.

Современное литературоведение, по инерции избегая исследований святоотеческой литературы XIX–XX веков, теряет дра-

гоценный дар, подчеркнем – художественного порядка.

Сегодня святоотеческая литература представляет собой объект анализа, подобный айсбергу: в применении к текстам XX века тема не разработана вообще. У нас есть научное наследие Д. С. Лихачева, С. С. Аверинцева, В. П. Адриановой-Перетц и многих других, глубоко и тщательно раскрывающее специфику древнерусской литературы и ее жанров (как в ее светском, так и в церковном вариантах). Однако исследования эти по известным идеологическим причинам не расширяют объект своего исследования до «учительной» [2, с. 28] литературы Нового времени.

Литературоведческие направления рассмотрения святоотеческой литературы обширны. Назовем основные из них: категория «внутреннего человека» в современной «учительной» литературе, ее эстетико-функциональная природа, диалогические установки текста, категория автора, система жанров в ее эволюционном аспекте, художественная природа «учительной» литературы и ее взаимосвязь со светской литературой и религией.

Литература

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. – М., 1994.
2. Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1972.
3. Золотых Ю.Н. Воцерковленный тип художественного сознания в поэтическом мире И. Шаховского и А. Солодовникова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – №4.
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. П. А. Николаева, М. В. Строганова [Электронный ресурс] URL: <http://interpretive.ru/dictionary/966/word/literatura> (Дата обращения: 24.03.2014).
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967 [Электронный ресурс] URL: <http://bookitut.ru/Poetika-drevnerusskoj-literatury.html> (Дата обращения: 24.03.2014).